

18+

НАДЕЖДА ДЁМКИНА

Времена го (ро) да

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ИСТОРИИ

Надежда Дёмкина

**Времена го (ро) да.
Петербургские истории**

«Издательские решения»

Дёмкина Н.

Времена го (ро) да. Петербургские истории / Н. Дёмкина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859460-1

Что будет, если в городе годы подряд будет идти дождь, что рассказывают во время экскурсии потомственные русалки, как не сойти с ума в Питере — ответы на все эти животрепещущие вопросы в книге смешных и очень петербургских историй о временах года, временах города и не только.

ISBN 978-5-44-859460-1

© Дёмкина Н.
© Издательские решения

Содержание

Времена го (ро) да	6
Зима	7
Весна	8
Лето	9
Осень	10
Crazy Piter	11
Коллекция типов	12
Городская галерея	14
Стратегия выживания	15
Ленинградское время	16
Неостановимое	17
Неуправляемое	18
Вечно длящееся	19
Наручное и жилетное	20
Электрическое	21
Альтернативное	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Времена го (ро) да Петербургские истории Надежда Дёмкина

Надежда Дёмкина *Иллюстратор*

© Надежда Дёмкина, 2024

© Надежда Дёмкина, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4485-9460-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Времена го (ро) да

Грифон у Академии художеств. Рисунок Нади Дёмкиной. Тушь, бумага

Зима

На зиму архитектура впадает в спячку, но характер спячки отличается в зависимости от температурного режима. Когда с утра все хлопает, а к вечеру подмерзает, и термометр болтается около нуля (а такое в Петербурге может длиться неделями), все линии приобретают вихлявость модерна. Колонны прогибаются то вправо, то влево. Фризы так и норовят отклеиться и переводной картинкой упасть на мостовую. Сфинксы становятся похожими на побитых дворняжек. Никто не соблюдает антаблемент, жалуясь на постоянную циркуляцию атмосферы, атлантические циклоны и повышенную влажность.

Ну а если вдруг ударят морозы, вот тогда все промерзает до кондиции классицизма. Небо окрашивается в модный оттенок «жандарм». Все барочные завитки и финтифлюшки коченеют и с хрустом отламываются, позолота гримируется инеем, лепнина накрывается сугробами. Гранит приобретает хрупкость льда и тонко позвякивает под каблуками. Мрамор просто белеет от испуга. И только Нева ворочается в своем прокрустовом ложе между Ладогой и Балтикой, видя во сне весенний разлив.

Весна

Первыми приближающуюся весну чуют острые побегии спилей и, хотя небо еще задропировано февральскими тучами, начинают тянуться выше, к будущему солнцу. Уловив его лучи, спиля сбрасывают тусклую кожицу, потемневшую от холода и непогоды, и затыгиваются в новую, блестящую золотом шкуру – лохмотья старого наряда тенью ложатся на асфальт. Следом за спилями просыпаются купола: их съезжившиеся за долгую зиму луковки и шишки начинают наливатьса соками, выпячивать впалые бока, чтобы впитать в себя как можно больше тепла и света и успеть созреть к осени. Крыши выгибают хребты спин, пытаясь сразу сбросить слежавшиеся массы снега и льда – это не удаётся, и они еще долго отряхиваются и почесываются, избавляясь от остатков зимних шуб. Водосточные трубы прочищают забитые длинным молчанием глотки, отхаркиваясь, выплевывают колотый лед, пытаются вспомнить вкус дождевой воды.

Ожидание весны угрожающе нависает сосульками, чтобы после стечь вниз радостной капелью встречи. Под дождем и солнцем дорические капители колонн завиваются в ионические, чтобы к лету прорасти буйством листьев коринфского ордера. Под тонкой оболочкой камня бродят живительные силы, и вот уже стволы колонн утолщаются, распускается орнамент на фризах. Обтрепавшиеся за зиму портики расправляют плечи, выравнивают шеренги колонн, готовясь нести вахту белых ночей.

Армия атлантов и кариатид укладывает складки форменных хитонов согласно установленному образцу, подравнивает кудри – а если кто-то согласится подменить, можно и размять затекшие мускулы. Как только с рек сходит лед, по батальонам бегают купаться: мальчики под одним мостом, девочки под другим, грифоны и сфинксы – отдельно.

Лето

Тусовка богов и вовсе зарезервировала себе лучший пляж у Петропавловки. Туда Аполлоны подвозят на своих квадрагах строгих Афин и игривых Диан, с шиком припарковываются у ворот и полночи играют в пляжный волейбол. Каким-нибудь простым львам к ним лучше не соваться – кинут золотой и пошлют за вином, словно комнатную собачку, а где им найдешь фалернское, когда вокруг продают только по-плебейски закатанное в жечь пиво?

Все это уже летом, летом. А пока весенняя лихорадка оживляет все вокруг. Решетки оград пробуют все новые и новые узоры, не зная, что будет модным в этом сезоне. От этого калейдоскопа у случайных прохожих рябит в глазах. Фасады домов натирают барельефы, как медали перед парадом, и мечтают о том, как бы стряхнуть с балконов весь хлам, сваленный туда бестолковыми жильцами. Кокетливо изгибаются балюстрады лестниц. Перемигиваются фонари. И даже вечно запертые ворота, заразившись атмосферой общего нервного возбуждения, требуют поднять им веки.

Сквозь шелушащуюся краску на фасаде Биржи пробиваются свежие тонкие побеги колонн. Дворец Белосельских-Белозерских все никак не может остановиться в подборе колера, последнее достижение – цвет бедра ошпаренной нимфы – заставляет испытывать неосознанную нервозность непривычных к такому гламуру приезжих. Камни Тучкова переулка мурлыча прогибают спины под ногами редких прохожих. Колоннада Казанского еще шире раскрывает свои объятия настречу проспекту. Но все это так ненадолго.

Осень

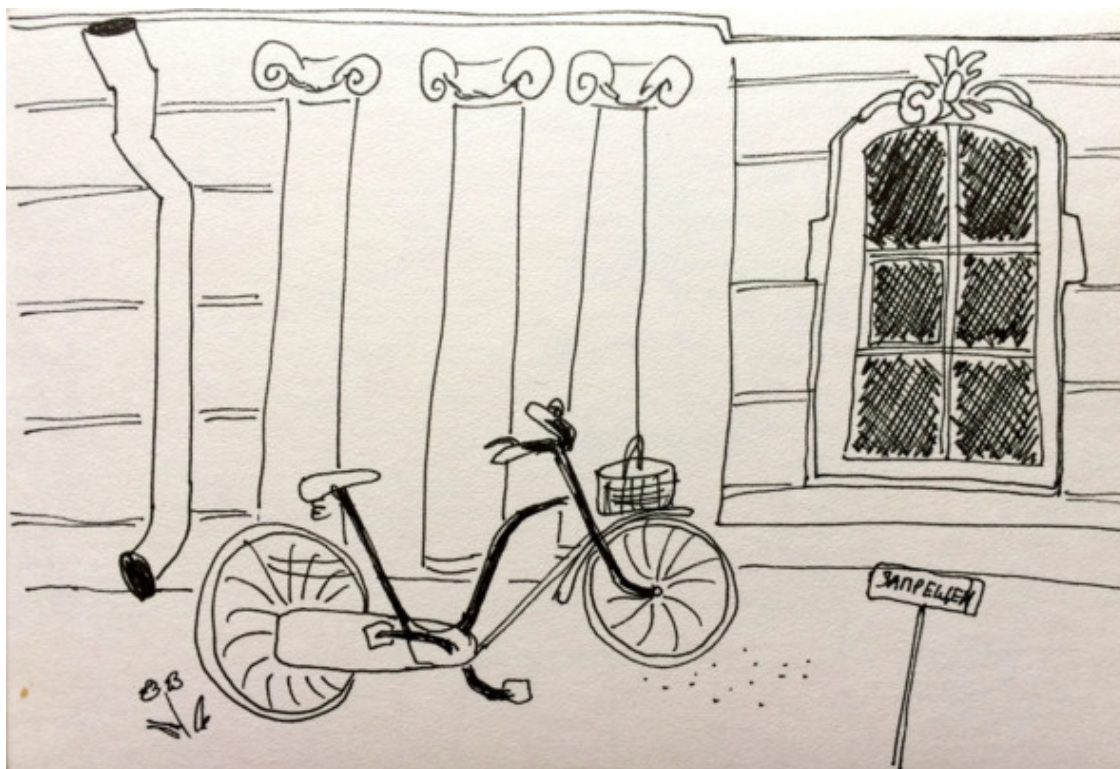
Осень входит в Питер со стороны Петергофа – там тихо шелестя начинает облетать позолота, и дворники равнодушно сметают ее вместе с листьями. Скульптуры сменяют летние тоги на утепленные. Вся архитектурная растительность после летнего барочного буйства постепенно впадает в летаргический сон. Ангел на вершине столпа ежеутренне перекладывает крест с одного плеча на другое, чтобы хоть как-то сохранять осанку при такой адской работенке. Он жалуется на ревматизм – но сосед с арки Главного штаба его просто не слышит, слова относит ветер. Во время наводнений сфинксам снятся сны о египетской пустыне с ее поджарым одноглазым солнцем. И только гордые львы делают вид, что они так и родились – под сетью мелкого и холодного питерского дождя.

Просто удивительно, насколько слепыми, независимо от смены времен года, оказываются во всем этом кавардаке сами жители! Даже так называемые историки и знатоки упорно не замечают ежегодного городского обострения – видимо, потому, что по весне каждый занят только своим собственным. Сама природа защищает город от людских посягательств на его личную жизнь. И так хватает всего: затяжных градостроительных припадков, вспышек поспешной реставрации (так называемый «юбилейный синдром»), тут и там вскакивающих архитектурных нарывов, приступов столичной отрыжки, ревматически ноющих долгостроев и прочих кгиоп-овских радостей.

Пусть природа сама разбирается хотя бы со сменой времен го (ро) да. Мы не видим калейдоскоп орнаментов на фризах, смены колеров фасадов, не замечаем переминающихся с ноги на ногу атлантов и перемигивающихся кариатид, а зачастую даже не уверены, стояла ли тут эта скульптура.

Вот если бы туристы всего мира, посещавшие наш город хотя бы в течение одного года и фотографировавшие одни и те же достопримечательности, собрали свои снимки в гигантский альбом, мы бы ужаснулись, какая бурная жизнь проходит мимо нас. Но нас слишком занимаем мы сами.

Crazy Piter

У Шереметьевского дворца. Рисунок Нади Дёмкиной. Линер, бумага

Притягивает ли Петербург сумасшедших или же сам постепенно сводит с ума – этот вопрос схож с загадкой про курицу и яйцо. Конечно, сумасшедшие были и до появления нашего заболоченного города, но именно в нем сумасшествие обрело свои классические монументальные черты и специальные петербургские ужимки.

Погрозить кулаком Медному истукану, доверить карьеру собственному носу и сойти с ума из-за шинели – все это писательское безумие просто идет в ногу с обычным городским сумасшествием, не обгоняя, разве что немного опережая действительность.

Коллекция типов

В районе Сенной часто можно увидеть высокую, худую, изможденную женщину, чей возраст сложно определить.

Одета она в любое время года примерно одинаково: лосины, пережившие пик карьеры в 80-е и сегодня к собственному удивлению возвратившиеся на вершину модного Олимпа, сверху кокетливо полурасстегнутый взлохмаченный полушубок, ни следа юбки между первым и вторым, и на голове нечто, завернутое как тюрбан. Иногда она везет за собой сумку-тележку. Общая изысканная недоступность ее образа – небрежно нанесенная косметика, замысловатый головной убор, аристократическая худоба, с годами превратившаяся в истощенность, легкость походки – заставляет предположить в ней особу, принадлежавшую к артистическим кругам.

Бывшая модель, раньше снимавшаяся для обложек «Мода в СССР» и «Крестьянки», подсевшая на наркотики, вылечившаяся и оставшаяся одинокой, теперь дефилирует по Садовой улице от рынка к своей комнате в коммуналке и обратно? Балерина, свои двадцать лет стажа отстоявшая в кордебалете «Лебединого озера» и только краем глаза следившая за взлетами Одетты/Одиллии, а теперь обходящая Мариинку за версту, но по старой памяти соблюдающая строгую диету? Актриса театра Комедии, долгие годы исполнявшая роли инженеру и по совместительству являвшаяся любовницей режиссера, со сменой последнего потеряла место и стала заливать горе белым вином?

На Невском несколько лет подряд можно было встретить человека, который называл себя Волшебником. Поседевший дядечка заводил разговоры со всеми встречными, и если вы не шарахались от него в первую же секунду – условный рефлекс любого жителя мегаполиса – то с удивлением обнаруживали, что улыбаясь болтаете, как со старым знакомым. Он таскал в карманах карамельки и раздавал их с напутствием съесть, когда будет плохо. Он развлекал окружающих детской игрушкой – бабочкой, порхающей на палочке. Заговаривал с хмурыми девушками, едущими на первую пару в университет, с плачущими детьми, с их целеустремленными мамочками, со склочными бабушками, с компаниями молодых людей. Вроде бы ничего особенного.

Но когда я его долго не встречаю – пусть даже в метро, едущим на противоположном эскалаторе, начинаю беспокоиться. Что-то не то. Где волшебство?

В одной подворотне на Невском всегда гремит музыка: рядом музыкальный магазин, который себя таким образом рекламирует. Арка дает такую акустику, что этому звукоизвержению позавидовал бы иной клуб. Там часто танцует бабушка.

Она приходит туда, видимо, когда есть время – никакого особого расписания: будни или праздники, день или вечер – не имеет значения. Она не ставит перед собой шапку, коробку или иную емкость для сбора денег, хотя неизменно собирает толпу зевак. Ее фотографируют, снимают видео на мобильные телефоны и прочие гаджеты. Ей хлопают. Свистят. Показывают пальцем. Смеются. А она танцует под техно. Не то чтобы очень умело, но с энтузиазмом и воодушевлением. Улыбается народу, поправляет съезжающие от прыжков очки. Седые волосы растрепались. Видно, что она готовится к выступлениям – одевает яркие кофты и нарядные платья из старых запасов. А потом останавливается, поднимает с асфальта свое пальто, сброшенное в порыве танца, и уходит.

Бабушка, которая несколько лет подряд что-то пела, монотонно раскачиваясь, в переходе около Гостинки. Женщина в растаманской шапочке, которая стучит на барабанах то на одном конце Невского, то на другом. Мужчина, одетый ковбоем, который в 80-е годы удивлял своим нарядом горожан.

Городская галерея

Каждый может добавить к этому списку новых персонажей, но как правило, места их появления – это центр Петербурга. Невский – вот подиум для всех, кто хочет продемонстрировать себя петербуржцам и гостям города, а значит, и для чудаков всех мастей в том числе. Здесь дефилируют, устраивают перформансы и концерты, прохаживаются, пристают к прохожим, заводят знакомства, просят милостыню и требуют внимания.

От золотого шпиля Адмиралтейства до гранитной стелы Восстания город глазеет: толкучий партер тротуаров, шикарные ложи ресторанов, привилегированные места на балконах и галерка с крыш. Уличные музыканты, попрошайки, мошенники, зеваки, туристы, девушки, ищущие легких знакомств, бабульки, вышедшие за буханкой хлеба – каждый из этой аудитории может обернуться сумасшедшим для окружающих, иногда неожиданно для самого себя.

Где заканчивается норма и начинается сумасшествие? Творцы, постоянно нарушающие границы привычного, чем они отличаются от обычных чудиков – большей удачливостью?

Нормальна ли соседка по коммуналке, закатывающая истерику из-за того, что ваша табуретка стоит на ее территории? Мы считаем немного не в себе и бабу, устраивающую отчаянный и бессмысленный скандал у прилавка дорогого супермаркета, и суперуспешного британского художника, которому за миллионы фунтов стерлингов удастся продать замаринованную в формалине овечку. На денди, подготовившегося к вечеринке в модном клубе – узкие желтые джинсы, фрак с атласными лацканами, кеды и классический цилиндр – серо одетые прохожие смотрят с явным желанием покрутить пальцем у виска. Многие стороной обходят прилавочки около Гостиного двора, где вот уже который год ведется торговля анархистско-коммунистической литературой, сопровождающаяся продолжительными диспутами и агитацией – кто не считал тамошних завсегдатаев немного не от мира сего?

Сумасшедшими для большинства окружающих были и юродивые, предсказывавшие будущее, ходившие босиком и в лохмотьях круглый год – некоторые из них потом были канонизированы православной церковью. Раньше при дворе существовала целая артель придворных шутов, карликов, балагуров, уродцев – достаточно вспомнить хотя бы масштабную свадьбу карлов при дворе Елизаветы, описанную в романе «Ледяной дом» Лажечникова.

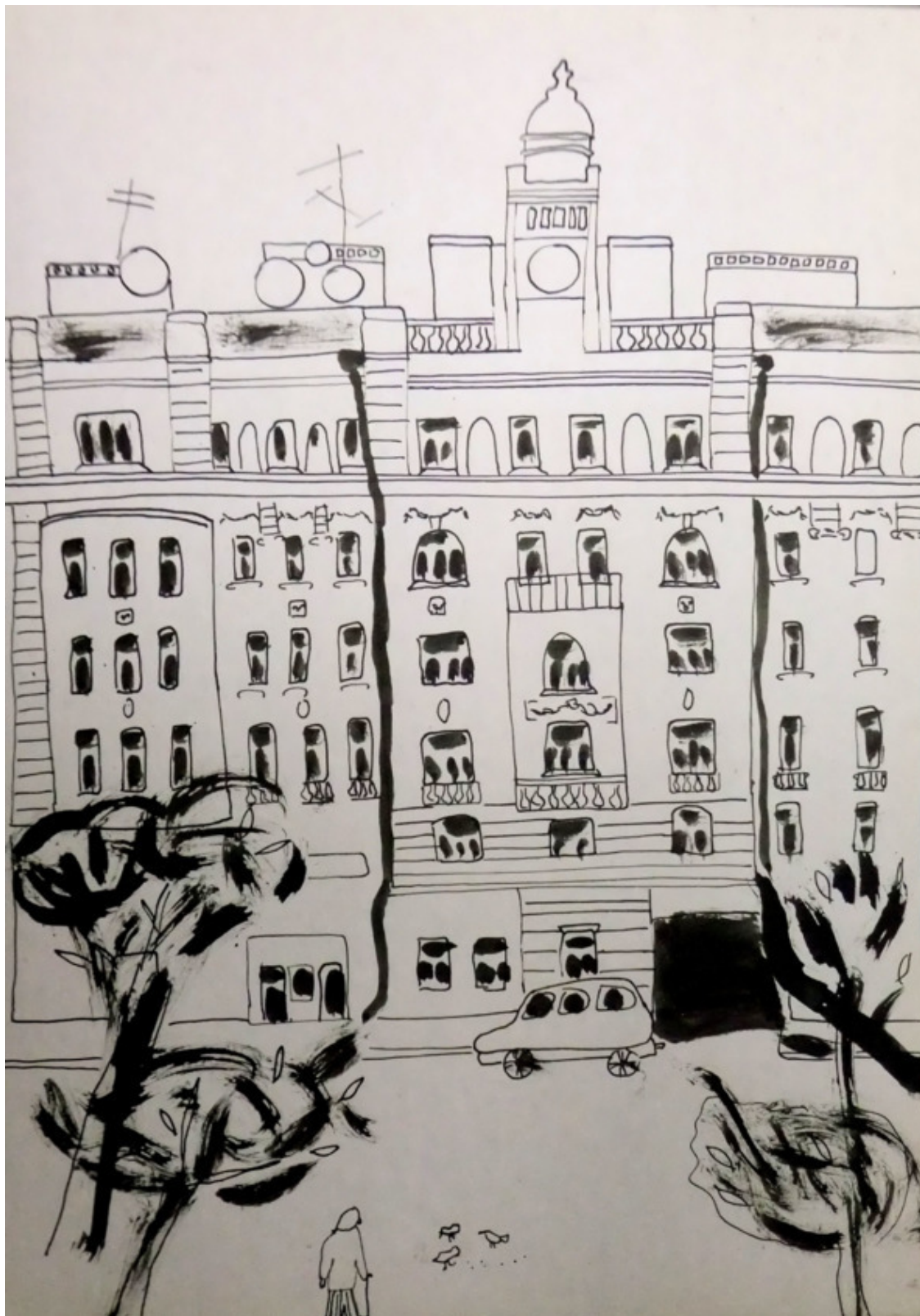
Стратегия выживания

С тем мероприятием по размаху могут сравниться только сегодняшние масштабные телешоу! Однако не думайте, что данный обычай исчез – достаточно включить телевизор и послушать выступления некоторых политиков, чтобы убедиться, что свято место шута пустым не бывает.

Вы пытаетесь укрыться от заунывного балтийского ветра здравым смыслом? Мечтаете сохранить свою нормальность в городе всех оттенков серого? Надеетесь, что в этом году избежите сезонной осенне-зимней депрессии, не выходя на улицу?

Бросьте! Куда более здравомысляще махнуть на рациональность рукой и выплыть в море сумасшествия, выбросив белый флаг: одеться ярко, вести себя вызывающе, напевать в транспорте, улыбаться прохожим – и тогда эта маскировка поможет продержаться до первых солнечных дней.

Ленинградское время

Конная улица. Рисунок Нади Дёмкиной. Тушь, бумага

Неостановимое

Некоторые считают Петербург живущим вне времени, городом-музеем. К сожалению или к счастью, это не так. Напротив, петербуржцам не скрыться от времени: полуденный выстрел петропавловской пушки настигает и студентов университета, сбежавших с лекции, и бизнесменов, стоящих в пробке на Дворцовом мосту, и бабушек, ведущих своих внуков в Зоологический музей.

А на музейных фасадах города приметы времени еще заметней. Рекламные вывески, новые памятники, наружные элементы городского дизайна, витрины магазинов – все это редко сочетается с барочными завитками окон и классическими портиками входов. Но жизнь идет, и времена накладываются друг на друга, образуя затейливый палимпсест трещин и выбоин на тротуарах, коллаж из старых газет и афиш, мозаику старых и молодых лиц в толпе на Невском проспекте.

Неуправляемое

Время в Петербурге капризно и по сути плохо поддается планированию, исчислению и управлению.

Ну что можно рассчитывать, если световой день может длиться 18 часов, а может – пять? Если в июне может выпасть снег, а в ноябре начаться бабье лето? Если вся Россия отсчитывает летоисчисление от Рождества Христова, а мы – от появления Петербурга? Если выходя на Невский, всегда попадаешь в час пик? Петербургский календарь, кроме того, включает в себя такие важные даты как ледостав и праздник вскрытия Невы, а также дату начала продажи корюшки – фактического наступления весны.

У нас есть 900 блокадных дней, есть февраль и октябрь 1917-го, есть сезон судоходства, расписание развода мостов, ежегодная горячая туристическая пора и даже собственный меридиан, проходящий через Пулковскую обсерваторию.

Только у нас, переходя из района в район, можно попасть из времени Пушкина во время Достоевского, от Блока – к Державину, а от Берггольц рукой подать до Бродского.

Вечно длящееся

Потому что все времена, когда-либо бывшие в Петербурге, не закончились – они длятся и длятся, как грамматическое настоящее, и из одного в другое можно пересесть, как сменить ветку в метро. В сущности, в Петербурге соблюдается классическое правило древнегреческой трагедии: единство времени, места и действия. И это вносит ноту мифологической предопределенности в наши отношения с городом.

Время спрессовано в пыль и притаилось во всех щелях, оно летеиской водой омывает эти гранитные набережные, с которых глядят друг на друга египетские сфинксы и сфинксы Шемякина, оно пульсирует во всех взорванных храмах и прячется под каждым срубленным деревом. На Семеновском плацу, где чуть не расстреляли Достоевского, а теперь детишки бегут на спектакль в ТЮЗ, на месте крепости Ниеншанц, где вот-вот распорет небо громадина Газпрома, в бермудском треугольнике Новой Голландии.

Наручное и жилетное

Наши взаимоотношения с временем личностны и пристрастны. Мы о нем беспрестанно справляемся, и мы же от него бежим, жалуемся и радуемся, не замечаем и спохватываемся, тратим и экономим.

Сейчас наручные часы становятся такой же редкостью, какой в советскую эпоху стали часы карманные. Раньше благосостояние собеседника определяли по часовой цепочке, змеящейся по жилету, сегодня – по количеству стразов на циферблате. У большинства же часов вовсе нет: их заменил смартфон или другой электронный гаджет, от планшета до плеера, попискиванием разрезающий время на порционные куски.

Однако городу как таковому без часов не обойтись – имидж не позволяет. Часов в городе немало – от безликих циферблатов на городских вокзалах, заставляющих пассажиров убыстрять шаг, до статусных часовых механизмов, таких как часы на башне Городской думы или на фасаде Зимнего.

Постепенно исчезают с улиц циферблаты советского дизайна, не отличавшиеся большой точностью, вместо них появляются электронные табло, которые сообщают не только время, но и дату, и температуру воздуха. Всем они хороши, но их внешний вид настолько затерт функциональностью, что они несут в себе скорее отрицательный заряд – но не перестают быть знаком своего времени.

Электрическое

Кстати, проблемой точного времени для Петербурга озаботился не кто иной, как Дмитрий Иванович Менделеев, видимо, в промежутке между изобретением своей таблицы для мучения школьников и улучшением формулы национального русского напитка.

По его инициативе на фасаде дома №2 по Большой Морской появились первые электрические часы. Впрочем, место для точного времени было выбрана не совсем удачно: дело в том, что этот отрезок улицы, от арки Главного штаба до Невского проспекта, лежит точно по полуденной линии, то есть фактически является солнечными часами. В локальный полдень (около половины первого дня) дома по обе стороны улицы не отбрасывают тени – и по ним можно сверять часы.

Альтернативное

Раз уж время и его измерение – одна из неотъемлемых черт города, мы могли бы уделить этому аспекту чуть больше времени и внимания. Один из осуществившихся примеров – цветочные часы в Александровском парке, которые подарила Петербургу Швейцария. Учитывая разницу в климате и в менталитете горожан, очень хрупкий подарок.

Но ведь это только начало. Можно было бы ввести в городскую среду альтернативные виды часов и немного подняться над своим временем, взглянув на него из вечности.

...Центр циферблата находится на дне реки, в треугольнике, образованном Петропавловским собором, Александрийским столпом и Стрелкой Васильевского острова. Первый отсчитывает века с основания города. Второй – царей за окнами зимних и летних дворцов. Третья мельтешит, как и положено секундной стрелке или котировке акций на бирже, крутится сама вокруг себя. Полдень часы бьют на Петроградской стороне. Обед – стрелка указывает на Таврический дворец. Шесть ударов принимают на себя казармы Измайловского полка и рабочие за Обводным каналом. Девять уходят в море за гаванью Васильевского острова. Полночь гуляет на Островах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.